

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ

Н. В. ПОТАПОВА

Преподаватель ГГУ, ассистент

Современное литературоведение активно занимается проблемой возвращения литературы русского зарубежья на родину. Вопрос по реабилитации культуры и литературы русской эмиграции становится особенно актуальным в постперестроечный период, когда одна за другой начинают публиковаться уникальные, по своим библиографическим, литературно-критическим характеристикам и важности монографии и учебные пособия. Сравнительно недавно литература русского зарубежья, с почетом вернувшаяся на родину, заняла заслуженное место в истории русской литературы. В этот же период происходит актуализация вопроса о том, что именно литература русской эмиграции «первой волны» является истинной и исконной наследницей традиций русской классической литературы, в отличие от советской литературы, искаженной художественным стандартом соцреализма.

Дискуссии по поводу единства русской советской и русской зарубежной литературы не утихают и по сей день. Отечественное литературоведение всячески способствует сплочению этих двух литературных полюсов, но мировоззренческие, социально-философские, историко-политические аспекты и проблемы, ставшие базовым критерием в изучении данных литератур, приводят к массе противоречий и становятся большим препятствием к их объединению.

Возникновение литературы русского Зарубежья как явление русской культуры и истории относится к началу 20 века и связано с судьбоносными событиями, происходившими в России в 1917- 1925 годах. Именно в этот период формируется так называемая русская диаспора за рубежом. В отличие от крупномасштабного характера переселения евреев или армян, которые объединялись в эмиграции в монолитные, упорядоченные общины, русская диаспора не носила столь массового характера и представляла собой своеобразную этнокультурную общину, в которой насчитывалось более двух миллионов человек, переселившихся на территорию Европы с 1918-1925 год. Отметим, что в числе выехавших были самые видные представители русской творческой интеллигенции, такие светила русской религиозной философии, как Бердяев Н. А., Булгаков С. Н., Шестов Л. И., Флоровский Г. В., Франк С. Л. Россию в этот период с 1918-1925 покинул практически весь интеллектуальный генофонд нации. За рубежом оказались литераторы, критики и публицисты - чета Мережковских, И. Бунин, И. Шмелев, А. Куприн, А. Ремизов, Б. Зайцев, Н. Тэффи, Г. Струве, В. Ходасевич, М. Цветаева, А. Аверченко, Игорь Северянин, Саша Черный, К. Бальмонт, М. Осоргин - деятели искусства, приветствовавшие события февральской революции, а впоследствии, изгнанные, раздавленные раскаленной лавой Октябрьской революции. Нина Берберова покидает Россию приблизительно в тот же период, что и самые видные представители русской творческой интеллигенции.

В судьбе и адаптации в сложнейших условиях жизни русских эмигрантов сыграло значительную роль деятельное участие Фритьофа Нансена, обеспечившего апатридов

временными паспортами, с одним из которых Нина Берберова жила на протяжении 20 лет. Она оказалась за рубежом приблизительно в те же сроки, что и остальные - в 1921 году, и так же, как и остальные, поселилась вначале в Берлине, который наравне с Прагой, Константинополем и Харбином в первую фазу эмиграции стал пристанищем почти для всех русских эмигрантов. Журналист и писатель В. Костиков в своей монографии «Не стоит проклинать изгнание» отмечает важную роль берлинской эмиграции как этап взаимодействия русской эмигрантской и русской советской культурной жизни. Именно здесь, по воспоминаниям Н. Н. Берберовой, было очень большое скопление русских и можно было пообщаться со всеми представителями творческой интеллигенции бывшей российской империи. Здесь проживали и утвердившиеся в своем намерении эмигрировать русские, и полуэмигранты - И. Эренбург, А. Белый, В. Шкловский, М. Горький, сюда приезжали гости из советской России - Б. Пильняк, В. Маяковский, С. Есенин, Б. Пастернак. Германия еще не воспринималась русскими эмигрантами как окончательное изгнание, разрыв с прошлым и родиной. В географическом и ментальном отношении что-то родное, понятное и близкое сохранялось в душах русских эмигрантов по отношению к Берлину. Но изначально приоритетная роль в формировании русской диаспоры за рубежом стала принадлежать Парижу, куда и переехало больше половины всех русских эмигрантов. В. Костиков объясняет причину, по которой русские предпочли Париж другим городам Европы. Этому, в его видении, способствовал ряд факторов: «Фактор языковой, ибо французский язык был более распространен в среде русской интеллигенции, чем немецкий; фактор политический, ибо политический центр русской эмиграции находился в Париже; и, наконец, фактор материальный, ибо в Париже оказалось большое число всякого рода фондов, объединений, обществ взаимопомощи, русских банковских счетов, которые на первых порах, пока не наступило оскудение, могли поддерживать материально ту часть русской интеллигенции, которая не имела никакой профессии, дававшей бы пропитание на чужбине»[3]. Именно в Париже возникают самые значительные печатные русские издательства, приютившие видных представителей русской изгнаннической прозы и поэзии, такие как «Возрождение», «Последние Новости», «Современные записки», «Русская мысль», «Числа» и т. д. Критик Глеб Струве в своей монографии «Русская литература в изгнании» пишет: «В 1920-1922 годах русские газеты вырастали повсюду как грибы. Но и жизнь их была грибная, короткая»[4].

От типических традиций русского Серебряного века эмигрантами была перенята и салонная литературная традиция. В Париже чета Мережковских продолжала устраивать литературные вечера, с присущими петербургским салонам горячими полемикой и литературно-критическими дебатами под характерным названием «Зеленая лампа». Н. Берберова неоднократно присутствовала на таких вечерах в качестве официальной корреспондентки журнала «Новый дом».[1] Стремление собраться, организовать нечто общее, единящее намерения и мысли, стало неотъемлемой частью миссии представителей русского зарубежья. Известны случаи, когда эта фанатичная идея - объединяться и сохранять традиции, пагубно отражалась на желании и способности русских адаптироваться во французском мире. Тот же журналист и писатель Костиков в своей книге пишет следующее: «История эмиграции зарегистрировала многочисленные случаи, когда русские эмигранты, прожив во Франции, в Париже, десятки лет, так и не об-

завелись французскими знакомыми, не научились говорить по-французски, а крутились в этом знакомом, родном, болезненном, сладком и горьком кругу русских отношений. И до сих пор, приезжая на русское кладбище под Парижем в местечке Сент-Женевьев-де-Буа и бродя среди могил с известнейшими русскими именами (настоящий пантеон русской культуры), можно встретить 80-летних старичков и старушек, которые могут едва-едва связать несколько фраз по-французски, но зато говорят с великолепным петербургским или московским произношением, который нам и не снился»[1]. По мнению Берберовой, та же причина мешала адаптации представителей уже третьей волны русской эмиграции в Америке.

Характерной особенностью самого явления эмиграции всегда оставалось стремление избежать ассимиляции, совместно с попыткой адаптироваться в чужеродной действительности. Покидая Россию, русская творческая интеллигенция увозила с собой весь Серебряный век без остатка, ту изящную, великолепную метафору, создавшую в русской культурной жизни и национальную философию, и национальную литературу начала 20 века. Невозможно описать масштаб катастрофы, произошедшей в те трагические времена. Очевидно, и по сей день русская культура не восполнила той утраты, нанесенной ей в сфере искусства, литературы, науки деспотичным социалистическим режимом. Заметим, что русская философия, развившаяся во многом в традициях символизма и основанная на философии Всеединства Соловьева, в лице Флоровского, Бердяева, Франка, Шестова, потеряла единственный свой оплот. Мы не можем говорить о национальной русской философии, не касаясь ее религиозной концепции, ибо онтология русской философской мысли выпестовалась именно под воздействием доктрин православной религии, искорененной большевистским режимом, следовательно - искоренившим и русскую философию вообще, заменив ее немецкой марксистской «религией» социализма.

Отъезд наших великих соотечественников был вызван не только отсутствием идейной солидарности с установившейся властью, но и был спровоцирован зловещими событиями 1918 года - казнью всех членов монаршей семьи, превратившихся в глазах большинства эмигрантов в великомучеников. Представители культуры Серебряного века, в общем смысле, миссионеры, оказавшиеся за рубежом, отвергнутые отчизной, ища пристанища в чужой земле, увезли свою культуру, дабы сохранить ее традиции для будущих поколений России. В эмиграции, а конкретно в центре рассеяния русских эмигрантов, в Париже, возрождается новая Россия, «Россия в миниатюре», как принято было ее называть.

Художественный мир прозы Н. Берберовой неразделимо связан с теми судьбоносными событиями, вследствие чего необходимо рассмотрение литературной ситуации, в которой формировался эстетический вкус и пристрастия писательницы. Н. Берберова, родившаяся в 1901 году и покинувшая Россию в сравнительно юном возрасте, относилась скорее к детям эмигрантов, чем к самим эмигрантам-литераторам старшего поколения. Корифеи литературы старшего поколения, таких, как И. Бунин, И. Шмелев, А. Куприн, русские эмигранты воспринимали как оплот русской национальной литературной традиции и отказывали в этой роли младшему поколению. Так, Глеб Струве пишет: «Смерть Бунина была воспринята символически, как конец зарубежной литературы. Появился ряд откликов на общую тему «после Бунина», в которых домини-

ровали пессимистические оценки настоящего и столь же пессимистические прогнозы насчет будущего зарубежной русской литературы»[4]. Также доводы, иллюстрирующие отношение к младшему поколению, звучат и в весьма значимой для истории литературы русского зарубежья монографии В. Варшавского «Незамеченное поколение»: «...племя, возросшее в изгнании, не выдвинуло ни одного имени, ни одного громкого дела Алданова нельзя приводить в пример; он начал печататься еще в России и уехал оттуда сложившимся писателем. Даже такие, как Р. Б. Гуль и Н. Н. Берберова, не успевшие на родине напечатать ни одной строчки, получили свою литературную зарядку в старой писательской среде Петербурга и Москвы. Всех их должно отнести к дореволюционному поколению»[2].

Нина Николаевна Берберова покинула Россию вместе с мужем В. Ф. Ходасевичем в 1922 году. Она уже тогда оказалась не одна, а под защитой опытного и маститого поэта, талантливого наблюдательного критика, который становится ей не только супругом, а во всех отношениях опорой и самым объективным и неподкупным критиком ее творчества. Берберова только начала входить в российские литературные круги, свое первое знакомство с литературной богемой Петербурга она подробно описывает в своей книге мемуаров «Курсив мой». Не оформившаяся поэтесса, она уже тогда, на одном из литературных вечеров, снискала одобрительную оценку будущего мужа и Анны Андреевны Ахматовой. Молодая, красивая, свободолюбивая, остроумная, любознательная и интеллектуально развитая девушка не оставалась без внимания как видных представителей творческой интеллигенции, так и начинающих писателей и поэтов. Она подавала надежды уже в российской литературе, но суровое время выбросило ее за борт российской культуры в океан чужеродного культурного и литературного универсума, где она не утонула, а научилась мастерству взаимодействия, совмещения, объединения несхожих явлений в одно содержательное целое.

Писательница всю свою сознательную жизнь стремилась жить в ногу со временем; она была яростным приверженцем новации и таким же противником устаревшей традиции. Идентифицироваться со старшим поколением она не стремилась, но стоит отметить, что подсознательно ей не удалось избежать традиционного подхода в своей художественной риторике. Первые ее прозаические опыты «Рассказы в изгнании» ознаменованы стремлением писательницы перенести на эмигрантскую почву темы и мотивы зошенковской прозы: употребление писательницей неологизмов эмигрантского происхождения, аналогично оригинальному приему Зощенко - введения в лексику своих персонажей новомодных аббревиатур, сложносокращенных слов, вошедших в язык уже в нэповский период.

На начальном этапе прозу Берберовой следует охарактеризовать как поиск творческой основы, оттачивание писательских приемов. Стоит отметить, что данный период, период подражания ироническому приему Зощенко, длился недолго: ирония Берберовой уже тогда отдавала примесью горечи, а со временем и вовсе приобрела саркастический оттенок, изжив всякие остатки юмора. В творческом становлении автора сыграло огромную роль то, что период становления ее творческого дарования совпал с периодом супружества с В. Ходасевичем, тем не менее, с трудом можно назвать союз Берберовой и Ходасевича творческим тандемом: слишком большой оказалась разница потенциалов, опыт прожитой жизни, отношение к родине и идентификация себя в

эмиграции. Союз Ходасевича и Берберовой – союз ученика и ученицы, которая стремится отточить собственное перо под благотворной протекцией маститого ментора. Доказательством данной гипотезы стал развод пары по прошествии 10-ти с лишним лет, когда писательница с горечью для себя признала факт, что Ходасевич ей больше ничего дать не в силах. Этот жестокий в своем прагматизме подход к «отработанному материалу», наскучившим людям, изжившим себя идеологиям, был неотъемлемой частью берберовского самопостижения. Берберова всей своей жизнью и творчеством с педантичной скрупулезностью поддерживала амплуа современной писательницы. Хорошо знавший писательницу, славист Омри Ронен вспоминает об этой уже престарелой женщине, с которой он познакомился в 1965 году, что Берберова Н. Н. очень увлеченно «говорила о себе и о структурализме»[5], который в тот период благодаря деятельности Ролана Барта и Леви – Стросса стал ведущим методом изучения искусства вплоть до 1970 года[6].

Таким образом, мы наблюдаем, как за рубежом общественная и культурная жизнь продолжают активно развиваться. Нина Берберова, так же как и другие ее соотечественники, с тяжелым сердцем покидая родину, осознавала, что связь с родной землей, можно сохранить только посредством культуры и литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Берберова Н.** Курсив мой: автобиография / [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: «Астрель», 2010, с. 765.
2. **В. Варшавский.** Незамеченное поколение. «Нальчик», Нальчик, 2011, с.45-67.
3. **Костиков В.** Не будем проклинать изгнание: пути и судьбы русской эмиграции. «Международные отношения». М.,1990,с. 78-86.
4. **Струве Г.** Русская литература в изгнании. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1956, с. 23-26.
5. **Омри Ронен.** Берберова. // <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/ronen.html>.
6. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/STRUKTURALIZM.html.

THE RUSSIAN ABROAD, HISTORICAL PRECONDITIONS AND THE PROBLEMS OF ADAPTATION

N. V. POTAPOVA

The article sums up the reasons which made the Russians leave their country after the Revolution and the Civil War. The political and cultural situation during the emigration is described as well. In the article some biographical data about N. Berberova - a writer, who left Russia together with many prominent figures of the Russian culture of The Silver Age are introduced as well.

ՌՈՒՍԱԿԱՆ ԱՐՏԱՍԱՅՄԱՆԸ. ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՆԱԽԱՐԱՅԱԼՆԵՐԸ ԵՎ ԱՐԱՊՏԱՑՄԱՆ ԽՆԴԻՐԸ

Ն. Վ. ՊՈՏԱՊՈՎԱ

Հոդվածում ամփոփված են այն պատճառները, որոնք ստիպել են ռուսներին հեղափոխության և քաղաքացիական պատերազմի դեպքերից հետո լքել Ռուսաստանը: Դիտարկված է ռուս արտագաղթի շրջանում ստեղծված քաղաքական և մշակութային իրավիճակը: Հոդվա-

ծովն բերված են նաև ռուսական մշակույթի Արծաթե դարի նշանավոր գործիչների հետ Ռուսաստանը լքած գրող Ն. Բերբերովայի կենսագրական որոշ տվյալներ:

СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ И ИХ РОЛЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

А. Л. ДАШТОЯН

Преподаватель ГГУ

Отношение Пушкина к церковнославянскому наследию и роль славянизмов в его произведениях менялись на протяжении его творческой деятельности. В “период творчества, т.е. до конца десятих годов 19 века, в языке Пушкина можно наблюдать, во-первых, “славянизмы невольные, традиционные, т.е. уже укоренившиеся в соответствующих жанрах и стилях языка”. Старославянизмы – слова древнейшего славянского языка, известного на Руси со времени распространения христианства (988). Будучи языком богослужебных книг, старославянский язык вначале был далеко от разговорной речи, однако со временем он испытывает заметное влияние восточно-славянского языка и сам, в свою очередь, накладывает отпечаток на язык народа. Этот “нежный и разборчивый”, по определению самого Пушкина, язык был лишен у него, несмотря на безусловную талантливость автора, какого бы то ни было своеобразия – национального или индивидуального. Романтическая идея исторической народности обращала Пушкина к национальным источникам языкового творчества, в том числе к славянскому языку, в котором он стал ценить “простоту”, краткость, первобытную свежесть и свободу от французского жеманства”. Славянский язык стал цениться Пушкиным именно за то, что он был весьма своеобразным и притом национально специфичным орудием понимания и истолкования действительности. В своем творчестве Пушкин произвел с присущим ему тактом, чувством меры тщательный отбор славянизмов. Славянский язык, неразрывно связанный с православной традицией, стал восприниматься Пушкиным как одна из основ русской национальной культуры.

Целью нашей работы был сбор и классификация материала, извлеченного нами из поэмы Пушкина “Руслан и Людмила”, на основании учета фонетических, морфологических, словообразовательных и семантических признаков старославянизмов и описание художественно-выразительной роли старославянизмов в указанной поэме. В современном русском языке много слов и элементов старославянского языка. Большинство из них настолько прочно усвоено, что их трудно отличить от русских, и их можно опознать по некоторым внешним признакам.

Существуют несколько фонетических примет старославянизмов:

а) - наличие в слове неполногласных сочетаний, т.е. наличие сочетаний **-ра-, -ла-, -ре-, -ле-** на месте русских полногласных сочетаний **-оро-, -оло-, -ере-, -ело-**, между